

Блок 9 НАСТОЯЩЕЕ ИСКУССТВО

15.3 Как Вы понимаете значение словосочетания НАСТОЯЩЕЕ ИСКУССТВО? Сформулируйте и прокомментируйте данное Вами определение. Напишите сочинение-рассуждение на тему «Что такое настоящее искусство».

Текст 9.1

(1)Динка огляделась. (2)Уютно белеющая в зелени хата вблизи оказалась старой, вросшей в землю, облупленной дождями и ветрами. (3)Одной стороной хата стояла на краю обрыва, и кривая тропинка, сбегая вниз, приводила к заброшенному колодцу.

(4)Яков сидел у раскрытого окна на низенькой скамеечке перед изрезанным сапожным ножом столиком и, склонившись, тачал сапоги. (5)Иоська, размахивая руками, что-то весело рассказывал отцу, на щеке его вспрыгивала лукавая ямочка. (6)Отец и сын сидели в единственной, но очень просторной комнате с огромной русской печкой.

(7)Осторожно войдя в сени и заглянув в комнату, Динка остановилась от неожиданности. (8)Прямо перед ней, в простенке между двумя окнами, где стоял сапожный столик и было светлее, возвышался портрет молодой женщины со строгой улыбкой, в городском платье, с чёрным кружевным шарфом. (9)Она была изображена во весь рост и так, как будто торопилась куда-то, накинув свой лёгкий шарф.

(10)Но больше всего поразили Динку её глаза. (11)Огромные, полные какой-то внутренней тревоги, умоляющие и требовательные. (12)Остановившись на пороге, Динка не могла оторвать глаз от этого портрета. (13)Казалось, она где-то уже видела эти глаза, улыбку и ямочку на щеке.

(14)Забывшись, она молча переводила глаза с портрета матери на сына...

(15)Иоська смолк и насторожённо смотрел на непрошеную гостью. (16)Яков тоже поднял глаза, и на лице его появилось уже знакомое Динке выражение сосредоточенной строгости.

– (17)Здравствуйте, барышня! – сказал он, поднимаясь навстречу.

– (18)Здравствуйте, Яков Ильич! – низко кланяясь, прошептала оробевшая Динка.

(19)Портрет Катри, её живые, горящие глаза, притихший двойник портрета, Иоська, и сам несчастный, уединившийся здесь после смерти жены скрипач – всё это внушало ей ужас. (20)Ноги её, казалось, приросли к порогу, и, не зная, что ей делать, она жалостно попросила:

– (21)Сыграйте, Яков Ильич.

(22)Иоська с готовностью подал отцу скрипку. (23)Яков кивнул сыну и, повернувшись к портрету, поднял смычок, прикоснулся к струнам...

(24)Как только полились звуки скрипки, страх Динки прошёл. (25)Играя, Яков смотрел на портрет и, двигая в такт музыке бровями, улыбался. (26)И Катря отвечала ему нежной, строгой улыбкой. (27)А Иоська сидел на сапожной табуретке и, сложив на коленях ладошки, смотрел то на отца, то на мать.

(По В.А. Осеевой)*

** Осеева-Хмелёва Валентина Александровна (1902–1969) – детская писательница. Самыми известными её произведениями стали повести «Динка», «Динка прощается с детством».*

Текст 9.2

(1)На рассвете мы с Лёнькой напились чаю и пошли на мшары искать глухарей. (2)Идти было скучно.

– (3)Ты бы, Лёня, рассказал чего-нибудь повеселей.

– (4)Чего рассказывать? – ответил Лёнька. – (5)Разве про старушек в нашей деревне.

(6)Старушки эти – дочери знаменитейшего художника Пожалостина. (7)Академик он был, а вышел из

наших пастушат, из сопливых. (8)Его гравюры висят в музеях в Париже, Лондоне и у нас в Рязани. (9)Небось, видели?

(10)Я вспомнил прекрасные, чуть пожелтевшие от времени гравюры на стенах своей комнаты в доме у двух хлопотливых старух. (11)Вспомнилось мне и первое, очень странное ощущение от гравюр. (12)То были портреты старомодных людей, и я никак не мог избавиться от их взглядов. (13)Толпа дам и мужчин в наглухо застёгнутых сюртуках, толпа семидесятих годов девятнадцатого столетия, смотрела на меня со стен с глубоким вниманием.

– (14)Приходит как-то в сельсовет кузнец Егор, – продолжил Лёня. – (15)Нечем, говорит, чинить то, что требуется, потому давайте колокола снимать.

(16)Встревает тут Федосья, баба из Пустыни: (17)«У Пожалостиных в доме старухи по медным доскам ходят. (18)Что-то на тех досках нацарапано – не пойму. (19)Эти доски и пригодятся».

(20)Я пришёл к Пожалостиным, сказал, в чём дело, и попросил эти доски показать. (21)Старушка выносит доски, завёрнутые в чистый рушник. (22)Я взглянул и замер. (23)Мать честная, до чего тонкая работа, до чего твёрдо вырезано! (24)Особенно портрет Пугачёва – глядеть долго нельзя: кажется, с ним самим разговариваешь. (25)«Давайте мне доски на хранение, иначе их на гвозди переплавят», – говорю ей.

(26)Заплакала она и говорит: (27)«Что вы! (28)Это народная ценность, я их ни за что не отдам».

(29)В общем, спасли мы эти доски – отправили в Рязань, в музей.

(30)Потом созвали собрание, чтобы меня судить за то, что доски спрятал. (31)Я вышел и говорю: (32)«Не вы, а ваши дети поймут ценность этих гравюр, а труд чужой почитать надо. (33)Человек вышел из пастухов, десятки лет учился на чёрном хлебе и воде, в каждую доску столько труда вложено, бессонных ночей, мучений человеческих, таланта...»

– (34)Таланта! – повторил Лёня громче. – (35)Это понимать надо! (36)Это беречь и ценить надо! (37)Ведь правда? (По К.Г. Паустовскому)*

** Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968) – русский советский писатель и публицист, мастер лирико-романтической прозы, автор произведений о природе, исторических повестей, художественных мемуаров.*

Текст 9.3

(1)Для меня музыка – это всё. (2)Я люблю джаз, как дядя Женя. (3)Что дядя Женя творил на концерте в Доме культуры! (4)Он свистел, кричал, аплодировал! (5)А музыкант всё дул напропалую в свой саксофон!..

(6)Там всё про меня, в этой музыке. (7)То есть про меня и про мою собаку. (8)У меня такса, зовут Кит...

– (9)Представляешь? – рассказывал дядя Женя. – (10)Он эту музыку прямо на ходу сочиняет.

(11)Вот это по мне. (12)Самое интересное, когда играешь и не знаешь, что будет дальше. (13)Мы с Китом тоже: я бренчу на гитаре и пою, он лает и подвывает. (14)Конечно, без слов – зачем нам с Китом слова?

– (15)Андрюха, решено! – вскричал дядя Женя. – (16)Учись джазу! (17)Здесь, в Доме культуры, есть такая студия.

(18)Джаз, конечно, это здорово, но вот загвоздка: я не могу петь один. (19)Только с Китом. (20)Для Кита пение – всё, поэтому я взял его с собой на прослушивание.

(21)Кит, съев варёную колбасу из холодильника, шагал в чудесном настроении. (22)Сколько песен в нас с ним бушевало, сколько надежд!

(23)Но моя радость улетучилась, когда оказалось, что с собаками в Дом культуры нельзя.

(24)В комнату для прослушивания я вошёл без Кита, взял гитару, но не мог начать, хоть ты тресни!..

– (25)Ты не подходишь, – сказали мне. – (26)Слуха нет. (27)Кит чуть не умер от радости, когда я вышел.

(28)«Ну?!! (29)Джаз? (30)Да?!!» – всем своим видом говорил он, и хвост его отбивал ритм по тротуару. (31)Дома я позвонил дяде Жене.

– (32)У меня нет слуха, – говорю. – (33)Я не подхожу.

– (34)Слух – ничто, – сказал дядя Женья с презрением. – (35)Подумаешь, ты не можешь повторить чужую мелодию. (36)Ты поёшь, как никто никогда до тебя не пел. (37)Это и есть джаз! (38)Джаз не музыка; джаз – это состояние души.

(39)Положив трубку, я извлёк из гитары квакающий звук. (40)Взвыл Кит. (41)На этом фоне я изобразил тиканье часов и крики чаек, а Кит – гудок паровоза и гудок парохода. (42)Он знал, как поднять мой ослабевший дух. (43)А я вспомнил, до чего был жуткий мороз, когда мы с Китом выбрали друг друга на Птичьем рынке...

(44)И песня пошла...

(По М.Л. Москвиной)*

** **Москвина Марина Львовна** (род. в 1954 г.) – современная писательница, журналистка, радиоведущая. За книгу «Моя собака любит джаз» была награждена Международным дипломом Г.-Х. Андерсена.*

Текст 9.4

(1)В детстве я очень, очень старалась полюбить театр, как мне велели: ведь это Большое Искусство, Храм. (2)И я, как положено, должна испытывать священный трепет, но помнить при этом, что в театре есть театральные условности. (3)Я помнила, но, когда пожилой дядька в камзоле с пышными рукавами, с большим бархатным животом, колыхавшимся над тоненькими ножками, грозно, как классный руководитель, спросил: «Скажи, Лаура, который год тебе?» – и грузная тётенька гавкнула в ответ: «Осьмнадцать лет!», – ужасное смятение и стыд смяли меня, и все мои старания полюбить театр были окончательно перечёркнуты.

(4)А между тем в театре было тепло, в зале приятно и сложно пахло, в фойе гуляли нарядные люди, окна были укутаны шторами из парашютного шёлка, будто кучевыми облаками. (5)Да, храм. (6)Наверное. (7)Но это не мой храм, и боги в нём не мои.

(8)А вот совсем другое дело – кинотеатр «Арс», плохонький сарайчик на площади. (9)Там неудобные деревянные сиденья, там сидят в пальто, там мусор лежит на полу. (10)Там не встретишь «завязых театралов», принаряженных дам, заранее оскорблённых тем, что они, люди приличные, вынуждены три часа провести в обществе ничего не смыслящих профанов. (11)Там толпа вваливается и рассаживается, гремя сиденьями и распространяя кислый запах сырых пальто. (12)Сейчас начнут. (13)Это – счастье. (14)Это – кино.

(15)Медленно гасят свет. (16)Стрекотание проектора, удар луча – и всё, понеслось. (17)Перейдена черта, прошёл этот неуловимый миг, когда плоский и туповатый экран растворился, исчез, стал пространством, миром, полётом. (18)Сон, мираж, мечта. (19)Преображение.

(20)Да, я, безусловно, простой и примитивный кинозритель, как большинство людей. (21)От кино я именно и жду полного преобразования, окончательного обмана – «чтоб не думать зачем, чтоб не помнить когда». (22)Театр на это не способен, да и не претендует.

(23)Театр для тех, кто любит живых актёров и милостиво прощает им их несовершенства в обмен на искусство. (24)Кино для тех, кто любит сны и чудеса. (25)Театр не скрывает, что всё, что вы видите, – притворство. (26)Кино притворяется, что всё, что вы видите, – правда. (27)Театр – для взрослых; кино – для детей.

(По Т. Толстой)*

** **Толстая Татьяна Никитична** (род. в 1951 г.) – современная писательница, телеведущая, филолог.*

Текст 9.5

(1)Дом разошёлся от старости, а может быть, и от того, что он стоял на поляне в сосновом лесу и от сосен всё лето тянуло жаром.

(2)Чайковскому нравился этот деревянный дом. (3)Единственное, что раздражало композитора, – это скрипучие половицы. (4)Чтобы пройти от двери к роялю, надо было переступить через пять шатких половиц. (5)Со стороны это выглядело, должно быть, забавно, когда пожилой композитор пробирался к роялю, рассматривал половицы прищуренными глазами.

(6)Если удавалось пройти так, чтобы ни одна из них не скрипнула, Чайковский садился за рояль и усмехался. (7)Неприятное осталось позади, а сейчас начнётся удивительное и весёлое: разошедшийся дом запоёт от первых же звуков рояля. (8)На любую клавишу отзовутся тончайшим резонансом сухие стропила, и двери, и старушка люстра, потерявшая половину своих хрусталей, похожих на дубовые листья.

(9)Самая простая музыкальная тема разыгрывалась этим домом, как симфония.

(10)С некоторых пор Чайковскому начало казаться, что дом уже с утра ждёт, когда композитор, напившись кофе, сядет за рояль. (11)Дом скучал без звуков.

(12)Иногда ночью, просыпаясь, Чайковский слышал, как, потрескивая, пропоёт то одна, то другая половица, как бы вспомнив его дневную музыку и выхватив из неё любимую ноту. (13)Ещё это напоминало оркестр перед увертюрой, когда оркестранты настраивают инструменты. (14)То тут, то там – то на чердаке, то в маленьком зале, то в застеклённой прихожей – кто-то трогал струну. (15)Чайковский сквозь сон улавливал мелодию, но, проснувшись утром, забывал её. (16)Он напрягал память и вздыхал: как жаль, что ночное треньканье деревянного дома нельзя сейчас проиграть! (17)Прислушиваясь к ночным звукам, он часто думал, что вот проходит жизнь, а ничего ещё толком не сделано. (18)Ещё ни разу ему не удалось передать тот лёгкий восторг, что возникает от зрелища радуги, от ауканья крестьянских девушек в чаще, от самых простых явлений окружающей жизни.

(19)Чем проще было то, что он видел, тем труднее оно ложилось на музыку. (20)Как передать хотя бы вчерашний случай, когда он укрылся от проливного дождя в избе у объездчика Тихона! (21)В избу вбежала Феня – дочь Тихона, девочка лет пятнадцати. (22)С её волос стекали капли дождя. (23)Две капли повисли на кончиках маленьких ушей. (24)Когда из-за тучи ударило солнце, капли в ушах у Фени заблестели, как алмазные серьги.

(25)Но Феня стряхнула капли, всё кончилось, и он понял, что никакой музыкой не сможет передать прелесть этих мимолётных капель.

(26)Нет, очевидно, это ему не дано. (27)Он никогда не ждал вдохновения. (28)Он работал, работал, как подёнщик, как вол, и вдохновение рождалось в работе.

(29)Пожалуй, больше всего ему помогали леса, просеки, заросли, заброшенные дороги, этот удивительный воздух и всегда немного печальные русские закаты. (30)Он не променяет эти туманные зори ни на какие великолепные позлащённые закаты Италии. (31)Он без остатка отдал своё сердце России – её лесам и деревушкам, околицам, тропинкам и песням. (32)Но с каждым днём его всё больше мучает невозможность выразить всю поэзию своей страны. (33)Он должен добиться этого. (34)Нужно только не щадить себя.

(По К.Г. Паустовскому) *

**Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968) – русский советский писатель, классик отечественной литературы.*

Текст 9.6

(1)Лина уже полмесяца жила в Москве. (2)Гнетущие и безрадостные события в её жизни отдавались постоянной болью в сердце, окрасили мрачными тонами всё её существование.

(3)Забиться было невозможно.

(4)Она ходила в театры, и там почти в каждой опере, в каждом балете была жизненная драма. (5)Мир вечно разделён на два полюса: жизнь и смерть. (6)В эти понятия, между этими полюсами в два коротких слова вмещалось всё.

(7)В Третьяковке почти на половине картин изображалось что-то грустное.

(8)Однажды Лина пошла в зоопарк. (9)Но и тут ей не понравилось: жалко было попрошайек медведей, зады у которых были вытерты и голы оттого, что они часто на потеху людям усаживались и «служили» за конфетку, за кусок булки. (10)Жалко сонных, полублестящих хищников: они были совсем-совсем нестрашны – эти засаженные в клетку клыкастые звери.

(11)Она ушла из зоопарка, побродила по улицам, села на скамейку отдохнуть и стала оглядываться.

(12)Глобус. (13)Синий глобус, в жёлтом блестящем обруче, карты неба, трассы спутников. (14)Лина догадалась: она попала в ограду Планетария.

(15)«Планетарий так Планетарий, всё равно», – подумала она и пошла вовнутрь здания, купила билет. (16)Экскурсоводы рассказывали о метеоритах, о смене дня и ночи, времён года на Земле, ребяташки глазели на макеты спутников и на ракету. (17)Вдоль карнизов тянулись изображения звёзд. (18)Лина пошла наверх и очутилась в куполе Планетария.

(19)Доедая мороженое и потихоньку бросая бумажки под сиденья, люди ждали лекции.

(20)Погас свет, и зазвучал голос лектора. (21)Он рассказывал о Вселенной. (22)На небе Планетария появились кинокадры: представление древних людей о строении мира, портреты Галилея, Джордано Бруно.

(23)А по небу Планетария летело небесное светило – солнце. (24)Солнце, дающее всему жизнь. (25)Оно проходило по игрушечному небу, над игрушечной Москвой, и само солнце было игрушечным.

(26)И вдруг купол над ней зацвёл звёздами, и откуда-то с высот, нарастая, ширясь и крепчая, полилась музыка.

(27)Лина слышала эту музыку не раз. (28)Она даже знала, что это музыка Чайковского, и на мгновение увидела сказочных лебедей и тёмную силу, подстерегающую их. (29)Нет, не для умирающих лебедей была написана эта музыка. (30)Музыка звёзд, музыка вечной жизни, она, как свет, возникла где-то в глубинах мироздания и летела сюда, к Лине, долго-долго летела, может, дольше, чем звёздный свет.

(31)Звёзды сияли, звёзды лучились, бесчисленные, вечно живые. (32)Музыка набирала силу, музыка ширилась и взлетала к небу всё выше, выше. (33)Рождённый под этими звёздами человек посылал небу свой привет, славил вечную жизнь и всё живое на Земле.

(34)Музыка уже разлилась по всему небу, она достигла самой далёкой звезды и грянула на весь необъятный поднебесный мир.

(35)Лине хотелось вскочить и крикнуть:

– (36)Люди, звёзды, небо, я люблю вас!

(37)Вскинув руки, она приподнялась с сиденья и устремилась ввысь, повторяя заклинание:

– (38)Жить! (39)Жить!

(По В.П.Астафьеву) *

* Астафьев Виктор Петрович (1924–2001) – русский советский писатель, автор широко известных романов, повестей, рассказов..

Текст 9.7

(1)Был октябрь, на лугах гуляло стадо, и доносило дымом с картофельных полей. (2)Я шёл медленно, посматривая на перелески, на деревеньку за лощиной, и вдруг ясно представил живого Некрасова. (3)Ведь он в этих местах охотился, бродил с ружьём. (4)Может, у этих старых дуплистых берёзок и он останавливался, отдыхая на пригорке, беседовал с деревенскими ребяташками, думал, слагал стро-

ки своих стихов. (5) Может, потому как живой и видится на этих дорогах Некрасов, что он создал, бывая здесь, много поэтических произведений, воспел красоту верхневолжской природы.

(6) Сама по себе природа вечна и почти неизменна. (7) Пройдёт сто лет, люди придумают новые машины, побывают на Марсе, а леса будут такими же, и так же будет пригоршнями разбрасывать ветер золотой берёзовый лист. (8) И так же, как сейчас, природа будет будить в человеке порывы творчества. (9) И так же будет страдать, ненавидеть и любить человек...

(10) Плыли мы как-то вниз по Ветлуге на старой деревянной барже. (11) Рабочие леспромхоза, их было человек десять, играли в карты, лениво переговаривались и курили. (12) А две поварихи и женщина из района сидели на корме и ели яблоки. (13) Река сначала была узкой, берега унылы, с лозняком и ольхой, с корягами на белом песке. (14) Но вот баржа обогнула отмель и вышла на широкий простор. (15) Глубокая и тихая вода лакированно блестела, словно в реку вылили масло, и в это чёрное зеркало смотрелись с обрыва задумчивые ели, тонкие берёзки, тронутые желтизной. (16) Рабочие отложили карты, а женщины перестали есть. (17) Несколько минут стояла тишина. (18) Только катер постреливал глушителем да за кормой вскипала пена.

(19) Вскоре мы вышли на самую середину реки, и, когда за изгибом показался хуторок с убегающей в поле дорогой, женщина склонила голову набок и запела тихо:

Куда бежишь, тропинка милая,

Куда зовёшь, куда ведёшь...

(20) Поварихи тоже стали глядеть на дорогу и, пока женщина делала паузу, как бы забыв что-то, повторили первые слова песни, а потом уж все вместе ладно и согласно закончили:

Кого ждала, кого любила я,

Уж не воротись, не вернёшь...

(21) Они некоторое время молчали, не отрывая серьёзных лиц от берега, и, вздохнув, поправив платочки, продолжали петь, смотря друг на друга и как бы чувствуя родство душ.

(22) А мужчины, сдвинув брови и поджав губы, тоже уставились на хуторок, и кое-кто из них невольно подтягивал, не зная слов или стеснясь петь в голос. (23) И целый час все вместе пели они эту песню, по несколько раз повторяя одни и те же строчки, а баржа катила себе вниз по Ветлуге, по лесной дикой реке. (24) Я смотрел на них, вдохновлённых, и думал о том, что вот все они разные, а сейчас вдруг они как бы одинаковыми стали, что-то заставило их сблизиться, забыться, почувствовать вечную красоту. (25) Ещё подумал я и о том, что красота, видно, живёт в сердце каждого человека и очень важно суметь разбудить её, не дать ей умереть, не проснувшись.

(По Ю.Т. Грибову) *

** Грибов Юрий Тарасович – современный писатель, член редколлегии серии книг «Живая память», автор книг «Сороковой бор», «Ржаной хлеб», «Перелом лета» и др.*

Текст 9.8

(1) Жил в городе Верном художник, Николай Гаврилович Хлудов. (2) Судьба послала ему при редком долголетию ещё и завидную плодовитость. (3) Добрая сотня картин и этюдов до сих пор хранится в

запасниках Центрального музея. (4)Картинная галерея взять их отказалась. (5)«Что за художник? – сказали искусствоведы. – (6)Ни стиля, ни цвета, ни настроения. (7)Просто бродил человек по степи, да и заносил в свой альбом всё, что ему попадалось на глаза».

(8)Однажды мне предложили написать о нём небольшую популярную статейку для журнала. (9)Я ухватился за это предложение, перерыл все музейные архивы, собрал целую папку фотографий, а потом написал с великим трудом с десятков мучительно вялых страниц и бросил всё. (10)Ничего не получилось. (11)Не нашлось ни слов, ни образов.

(12)В редакции меня отругали, а статью через год написал другой, уже «настоящий» искусствовед. (13)Вот что он написал о мастерстве художника.

(14)«Единственное влияние, которое испытал Хлудов, – это влияние верещагинского натурализма. (15)Хлудов достигал временами значительных результатов, соединяя скупую, выдержанную гамму с чётким рисунком».

(16)Вот и всё. (17)Десяток раскрашенных фотографий, этнографические документы. (18)Этим исчерпана жизнь художника.

(19)Я не хочу осуждать этого искусствоведа, он, вероятно, в чём-то прав, но прав и я, когда говорю, что он ничегошеньки не понял в Хлудове. (20)И та моя давняя статья об этом художнике не удалась мне, конечно, только потому, что я тоже пытался что-то анализировать и обобщать, а о Хлудове надо разговаривать. (21)И начинать статью о нём надо со слов «я люблю». (22)Это очень точные слова, и они сразу ставят всё на своё место.

(23)Так вот – я люблю...

(24)Я люблю Хлудова за свежесть, за радость, за полноту жизни, за красоту событий, которые он увидел и перенёс на холст.

(25)Я люблю его за солнце, которое так и бьёт на меня со всех его картин. (26)Или яснее и проще: я люблю и понимаю его так, как дети любят и понимают чудесные поздравительные открытки, блестящие переводные картинки, детские книги с яркими лакированными обложками. (27)Всё в них чудесно, всё горит: и солнце над морем, и наливные яблочки на серебряном блюде, и тёмные леса, и голубейшее небо, и луга нежно-лягушачьего цвета, и роскошные лилии в синем, как небо, пруду.

(28)Хлудов не боялся рисовать такими яркими красками. (29)Именно красками, а не тонами – тонов у него нет, как и нет у него иных настроений, кроме радости и любования жизнью. (30)Он заставлял луга пестреть цветами, коней подыматься на дыбы, мужчин гордо подбочениваться, красавиц распускать волосы. (31)Он не признавал ненастье и серое небо. (32)Всё, что он видел, он видел либо при свете солнца, либо при полной луне. (33)Но тут ему уже не было соперников. (34)Ведь он рисовал не только степи и горы, но и ту степень изумления и восторга, которые ощущает каждый, кто первый раз попадает в этот необычайный мир. (35)И именно поэтому каждое его полотно ликует и смеётся от радости. (36)Он жил только настоящим, интересовался только сегодняшним, проходящим, живым.

(По Ю.О. Домбровскому) *

** Домбровский Юрий Осипович (1909–1978) – русский советский поэт, прозаик, литературный критик. Вершиной творчества писателя стал роман «Факультет ненужных вещей», который он создавал более 10 лет.*